

Раньше Шэнь Бэй говорил, что Лин Чэнь портит славный образ их Дворца Северного Ковша, и обязательно найдёт его, чтобы тот не мог ни жить, ни умереть. Дуаньму Цин очень хорошо знал характер друга: когда он так говорил, он обычно просто пугал. Ему было лень посылать людей на поиски. Неожиданно, но на этот раз это оказалась правда.

В глазах Шэнь Бэя сверкнул азартный свет:

— Да, жизнь такая скучная, нужно найти какие-нибудь развлечения!

— Но ты ведь всегда ленился вмешиваться в распри боевых путей?

— На этот раз всё иначе, мой лучший друг, ты находишься в самом центре вихря, я не могу оставаться в стороне, — Шэнь Бэй говорил с суровым лицом, полным праведности, в глазах читалась серьёзность и решимость. Хотя Дуаньму Цин не слышал связи между этим и предыдущими словами, это не помешало ему поддержать решение друга. Он тоже серьёзно кивнул, подражая Шэнь Бэю:

— Если решил — иди. Башня Цинчэн будет на твоей стороне.

Шэнь Бэй хотел ещё немного проявить свой талант и трогательно произнёс:

— Братан... — Но не договорил, так как Дуаньму Цин хлопнул его по плечу. — Так что, иди скорее, подумай, что делать дальше!

Не дав Шэнь Бэю возразить, Дуаньму Цин выпроводил его. Девятнадцатый выглянул из-за спины Дуаньму Цина:

— Почему мне кажется, что господин Шэнь сегодня какой-то странный?

— Привыкай, то он нормальный, то его переключивает. За столько лет мы уже привыкли к такому.

— ... — Так почему же Дворец Северного Ковша до сих пор не уничтожен с таким хозяином?

— О чём ты так много думаешь? Может, лучше продолжим то, что не успели закончить? — Дуаньму Цин хитро улыбнулся. Картина покрасневших от стыда ушей Девятнадцатого всё ещё стояла перед глазами. Девятнадцатый не так-то легко смущается.

Обычно в постели он краснел от усталости, а не от стыда.

Дуаньму Цин особенно любил вид смущающегося Девятнадцатого и хотел заставить его покраснеть ещё раз.

Девятнадцатый подумал, немного поколебался и согласился с предложением Дуаньму Цина:

— Хорошо.

Дуаньму Цин опешил. Какое «хорошо»? Девятнадцатый согласился сделать это в кабинете? Он просто подшучивал, зная характер Девятнадцатого — он бы никогда не согласился. То, что произошло только что, и так было пределом.

Но как тайный страж, Девятнадцатый обладал отличной способностью к обучению. Он подражал действиям Дуаньму Цина, развязывая только что надетый Дуаньму Цин халат, и подошёл к нему с хитрой ухмылкой:

— Господин, разве вы только не говорили, что хотите сделать это в кабинете?

Дуаньму Цин был готов к тому, что после провокаций ему придётся возвращаться в спальню, чтобы утолить пожар страсти. Но кто мог подумать, что Девятнадцатый не будет играть по правилам и так легко согласится? Однако, глядя на выражение лица Девятнадцатого... почему кажется, что именно он собирается прижать Дуаньму Цина к столу?

Дуаньму Цин никогда не беспокоился о том, кто сверху, а кто снизу в их отношениях. Раз Девятнадцатый так инициативен, такой случай упускать нельзя, упустишь — не вернёшь. Дуаньму Цин не был тем, кто стесняется.

Девятнадцатый прижал Дуаньму Цина к рабочему столу и сам начал целовать его глаза. Больше всего он любил тот взгляд, полный нежности, который Дуаньму Цин направлял на него, словно во всём мире не было никого красивее его. Дуаньму Цин закрыл глаза, и поцелуй Девятнадцатого мягко опустился на веко.

Их тела соприкасались бесчисленное множество раз, Дуаньму Цин знал, где Девятнадцатый чувствителен больше всего. Точно так же Девятнадцатый знал слабые места Дуаньму Цина. Его рука медленно спустилась вниз, талия Дуаньму Цин, стройная и сильная, оказалась в его объятиях. Одежда уже упала на пол, а под ним лежала верхняя одежда Девятнадцатого, которую он постелил, чтобы Дуаньму Цин не было жестко. Поцелуй Девятнадцатого двигались вниз, он целовал и гладил мышцы пресса Дуаньму Цина.

Когда поцелуй достигли пупка, дыхание Дуаньму Цин уже стало тяжёлым, он схватил руку Девятнадцатого, пытаясь остановить его дальнейшее движение вниз.

Девятнадцатый переплел свои пальцы с его, Дуаньму Цин хотел сопротивляться, но погрузился в удовольствие. Он всегда не хотел, чтобы Девятнадцатый делал для него такие вещи, поэтому это был первый раз. По сравнению с техникой Дуаньму Цин, Девятнадцатый был неопытен и чист. После того как Дуаньму Цин впервые закончил, Девятнадцатый проглотил всё и снова поцеловал его губы.

— Дуаньму... — Девятнадцатый крутился на его губах, руки не останавливались. Дуаньму Цин послушно запрокинул голову навстречу поцелуям, и очень скоро их дыхание переплелось.

Они смешались воедино, стоны Дуаньму Цина то становились выше, то ниже, и Девятнадцатый невольно ускорил движения бёдрами. Дуаньму Цин думал, что такой Девятнадцатый самый очаровательный, в нём была дикую, необузданная красота.

Когда общий момент наступил, Дуаньму Цин крепко вцепился в спину Девятнадцатого и с лёгким сожалением в голосе произнёс:

— Жаль, что я не могу забеременеть. Хотелось бы родить тебе ребёнка.

Девятнадцатый, лежа на Дуаньму Цине, услышав его слова, спросил:

— Тебе очень хочется ребёнка? Но мы же двое мужчин, как мы его родим?

— Не то чтобы очень сильно хочу, я просто так сказал, не принимай всерьёз, — небрежно ответил Дуаньму Цин. Только что от эмоций он выдал свои сокровенные мысли. В прошлой жизни Девятнадцатый действительно беременел, а в этой они занимались этим не раз, почему же нет никаких движений? Если Девятнадцатый не может забеременеть, пусть он примет лекарство для зачатия и забеременеет!

Девятнадцатый не знал, о чём так много думал Дуаньму Цин. Он сидел на талии Дуаньму Цина, положив руку на то место, где они только что соединились:

— Больно?

— Не больно, можно и ещё раз, — полный сил Дуаньму Цин изогнулся, и Девятнадцатый тоже подался вверх вместе с ним.

Увидев, что с Дуаньму Цин действительно всё в порядке, Девятнадцатый спустился, подобрал их одежду и набросил на Дуаньму Цина:

— Тогда нам в комнату?

Оба были в поту, липкие, лучше было сначала принять ванну. Дуаньму Цин предложил пойти на горячий источник на задней горе. В тёплой воде было тепло и комфортно, там самое место для ещё одного раза!

Дуаньму Цин нетерпеливо и как попало накинул одежду и потащил Девятнадцатого купаться. Когда Шэнь Бэй пришёл искать их, их уже не было, в комнате тоже было пусто, пришлось ждать до вечера.

Когда у Девятнадцатого была ранена рука, Дуаньму Цин каждый день мыл ему голову. Мягкие длинные волосы скользили по шее, чёрные и блестящие, они ярко контрастировали со светлой кожей.

Пальцы Дуаньму Цина нежно расчёсывали длинные волосы Девятнадцатого. Девятнадцатый только что снизу занимался с ним любовью и сейчас, уютно устроившись в объятиях Дуаньму Цина, позволял ему делать всё, что угодно.

Когда они вышли из источника, солнце уже село за западную гору. Девятнадцатый с болью в сердце сказал Дуаньму Цину:

— Господин, чрезмерная похоть вредна для здоровья, нам нужно быть сдержаннее.

Дуаньму Цин обнял его за плечи, слегка ущипнул за ухо и прошептал:

— А когда ты вцепляешься в меня и не отпускаешь, почему ты таких слов не говоришь?

Лицо у Девятнадцатого тоже стало толстым, и он парировал:

— Мы-то с тобой оба одинаковы, господин, разве ты не вцепился в меня в кабинете...

Дуаньму Цин не был тем, кто съел и не признался, услышав это, он кивнул, согласился с словами Девятнадцатого и ещё спросил:

— Тогда в следующий раз поменяем позу?

В голове Дуаньму Цин уже перебирались «Восемнадцать поз дракона и яна», которые он видел раньше, но Девятнадцатый залил на него холодной водой:

— Господин, ты будь поосторожнее, в ближайшие дни я хочу хорошо отдохнуть и не хочу этого делать!

Спокойный тон Девятнадцатого, без малейших волнений, словно гром с ясного неба

разорвался в сердце Дуаньму Цина. Он жалобно ухватился за рукав Девятнадцатого, притворно вытирая им слёзы, и сказал:

— Ты не можешь быть таким жестоким, я же твой родной муж!

Девятнадцатый остался непоколебимым. Дуаньму Цин продолжил убеждать его, стараясь тронуть его чувства и разум, пытаясь вернуть сердце Девятнадцатого. Девятнадцатый утомлённо зевнул, он устал за весь день и уже хотел спать:

— Господин, давай спать, мне очень хочется спать.

Девятнадцатый специально сильно потер глаза, даже до красноты, он знал, что Дуаньму Цин не выдерживает этого вида. Каждый раз, когда он притворялся милым, Дуаньму Цин соглашался на любые условия.

Конечно, обычно Дуаньму Цин ему и так не отказывал, только просил какую-нибудь плату, например, поцелуй или объятия. Но когда Девятнадцатый притворялся милым, Дуаньму Цин забывал обо всём и готов был отдать ему весь мир.

Девятнадцатый с красными глазами был похож на кролика, он смотрел на Дуаньму Цина своими большими невинными и чистыми глазами. Дуаньму Цин тут же сдался, и, понимая, что Девятнадцатый действительно устал, он отпустил его:

— Ладно, спи, я с тобой.

Дуаньму Цин прижал Девятнадцатого к груди и больше не поднимал эту тему. Девятнадцатый, свернувшись внутри, тихо хихикнул — этот приём самый действенный.

Девятнадцатый принялся к запаху от Дуаньму Цина, лёгкий аромат сандала заставил сердце биться радостно. Он нашёл удобное положение и быстро уснул.

Послышалось ровное дыхание Девятнадцатого, Дуаньму Цин удовлетворённо скривил губы, прижал человека к себе ещё крепче и тоже быстро погрузился в сон.

<http://bllate.org/book/16706/1535180>